3-635
ОИК

Зиновьев.Г. Новые задачи нашей партии.

ОИК
17г.

3-635
329.14 (47)

Новые задачи ...ческая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

№ 3. Речи и беседы пропагандиста. № 3.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕЙ ПАРТИИ.

ОТ ВОЙНЫ К ХОЗЯЙСТВУ.

РЕЧЬ,

произнесенная на общем собрании членов партии, кандидатов и сочувствующих Петроградского района 28 января 1920 года.

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народнаго ...сариата
по просвещению.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА—1920.

93015/...

V
С.90.1347

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народного Комиссариата
по просвещению

I.

Смена организационных задач.

Организационные задачи, стоящие перед нашей партией, меняются.

Когда мы были маленьким кружком 30 лет тому назад и основатели нашей партии начинали свою работу, тогда у них были одни организационные задачи, дело шло о том, чтобы собрать хотя бы небольшой кружок людей, которые могли бы просто поднять наше знамя.

Когда накануне 1905 года партия обсуждала организационные вопросы, у нас были уже совсем новые, уже другие задачи. Партия готовилась выйти из подполья, и ее задача заключалась в том, чтобы на каждой фабрике и заводе иметь хотя бы небольшую группу активных рабочих, которые, в случае массового движения, могут встать во главе его

Когда революция 1905 года была подавлена и народилась результате революции Государственная Дума, первая крупная уступка царизма, тогда перед партией встали новые организационные задачи. Ей надо было иметь, с одной стороны, своих депутатов в Государственной Думе, которые там выступали бы открыто, легально, проповедывали бы наши цели там, и в то же время надо было опираться на тайную, нелегальную организацию, которая продолжала бы строить нелегальный аппарат и создавать партию.

Когда нас застигла война, депутатов наших арестовали, у нас не осталось никаких возможностей открыто и легально говорить, уже вся наша партия должна была уйти в подполье и работать нелегально. Разумеется, и организационные задачи стали иные.

Когда произошла февральская революция и мы стали наполовину легальной партией, у нас возникли новые организационные задачи, в связи с появлением Советов Рабочих Депутатов, где мы должны были начать создавать свои фракции; и снова по иному встали организационные вопросы.

Когда власть перешла к рабочему классу после 25 октября 1917 года, перед партией возникли опять-таки совершенно особые организационные задачи, которые еще не стояли перед тем. Ей надо было руководящих членов партии поставить во главе всей государственной и политической жизни страны.

И вот теперь, товарищи, хотя не произошло никаких новых революций, и нам новых революций в России больше не нужно, ибо рабочую революцию мы уже совершили, — все-таки сейчас мы переживаем некоторый новый поворот событий, который заставляет поставить организационные вопросы по-новому.

Спрашивается, что же изменилось?

Изменилось, товарищи, то, что партия одержала победу на всех фронтах над белогвардейцами и сейчас может приступить или, скажем, в ближайшее время приступить к мирной хозяйственной работе. Чем мы были заняты эти два года? Мы заняты были на девять десятых, если не на девяносто девять сотых, войной. Мы должны были многого лишить всю страну для того, чтобы снабдить хоть кое-как Красную армию, ибо, не создай мы Красной армии, мы не отстояли бы власть Советов. Мы должны были лучших работников мобилизовать каждый месяц, каждую неделю, отправляя их на фронты. Мы должны были все продовольствие, все железные дороги, все, что у нас было, приспособлять с таким расчетом, чтобы они обслуживали армию, что, понятно, накладывало свой отпечаток на всю нашу работу.

II

Поворотный пункт.

Теперь как раз наступает поворотный момент, когда мы сможем заняться кое-чем другим. Можно сказать что у нас

положение было такое: революция 25 октября 17 года производилась массами, как все великие революции, конечно, не для того, чтобы на завтра опять начать новую войну; война нам была навязана ходом событий. Массы, миллионы людей шли на революцию, надеясь, что власть перейдет к рабочим, буржуазия будет изгнана и мы в состоянии будем начать поправлять хозяйство, рабочие и крестьяне начнут лучше жить, лучше питаться, одеваться, обучать своих детей, строить школы и т. д. Вот какова была затаенная мысль миллионов людей, которые поддерживали октябрьскую революцию. Действительно, это было бы так, если бы на свете кроме рабочих и крестьян не было, к сожалению, буржуазии и помещиков, которые охотно и добровольно никогда не уступают свою власть. Нам пришлось поэтому, приходится и сейчас еще, два года бороться за основное, за то, чтобы сама власть осталась в руках рабочих и крестьян. У нас два года было убито на то, чтобы заниматься не очень веселой и не очень интересной работой: бороться с белой гвардией.

Картина была такая: после того, как устранена была буржуазия от власти, рабочий класс и крестьяне России почувствовали, что Россия стала родной матерью, а не мачехой. Россия стала родным домом. Рабочие и крестьяне раньше не были хозяевами в этом доме. Они вошли в него после четырех лет войны, после 300 лет хозяйничанья царей, и застали в этом доме большое разорение. Уже два года тому назад Россия была нищая, разоренная, в доме было холодно, во всех углах, можно сказать, свистел ветер. Все-таки рабочие и крестьяне не унывали, были уверены, что теперь, когда изгнана буржуазия и изгнаны помещики, мы примемся за работу, за восстановление порядка в доме, и он превратится в полную чашу.

Вы знаете, что нам не суждено было взяться за это. Против нас восстали буржуазия и помещики и создали довольно большую армию. В тот момент, когда мы вошли в дом и хотели завести в нем порядок, мы увидели, что дом окружает стая бешеных волков в образе царских генералов, которые набрасывались на нас со всех сторон, с 12 фронтов, и заставляли нас напрягать каждый мускул для того, чтобы прогонять эти стаи волков. Это, повторяю, дело не

такое интересное и занятие не такое продуктивное; но, во всяком случае, эту работу надо было проделать потому, что иные бешеные волки, ворвавшись в дом, растерзали бы власть рабочих и крестьян.

Теперь, как раз на переломе от 1919 к 1920 году, мы вчерне закончили эту работу. Теперь часть бешеных волков подстрелена, — к сожалению только, нельзя их шерсть употребить на шубу, — остальные, последыши бродят еще, но бродят уныло. Они скалят зубы против нас, а красная армия бросает еще одну догорающую головню в эти разбегающиеся волчьи стаи. Теперь мы сможем спокойно войти в наш дом и приняться за работу, за которую хотели приняться два года тому назад. Повторяю, душа революции, затаенная ее мысль, заключалась в том, чтобы дойти до того, чтобы земля была наша, чтобы Россия стала наша, чтобы мы эту Россию стали поднимать на новую высоту, создавать новое хозяйство, новую жизнь, лучшие условия жизни для рабочих и крестьян.

III.

Что мы застаем дома?

И вот, товарищи, особенность момента как раз в том заключается, что мы теперь входим опять в свой дом, на этот раз спокойно. Никто не сможет нарушить нашего покоя, и мы пытаемся оглядеться и подсчитать, что же нам досталось. Мы застаем Россию в еще большем разорении, чем два года тому назад. Два года гражданской войны отняли у нас многое. Отняли рабочие руки и все, что у нас было, потому что все, повторяю, приходилось отдавать армии. Мы застаем дом более нищим, в нем больше холода, неуюта, больше голода.

За то, повторяю, мы можем быть спокойны, что на этот раз никто нам не помешает приняться за работу, ради которой и была произведена октябрьская революция. Мы сможем приняться за дело поправления нашего хозяйства, за дело налаживания новой рабоче-крестьянской России. И раз так, раз обстановка изменилась настолько, то, понятно, товарищи, что мы должны в данную минуту иначе взглянуть на организационные задачи партии.

Когда дело шло о войне и только о войне, организационные задачи были одни. Когда дело идет о восстановлении своего разоренного нищего хозяйства, сейчас перед партией становятся другие организационные задачи, и по новому должна она будет перестроить свои ряды. Она должна будет быстро укрепить хозяйственный фронт. Как раньше мы нажимали изо всех сил на педаль военную, так мы теперь должны нажать на педаль хозяйственную. Как раньше мы отдавали лучшие силы на войну, так сейчас впервые мы сможем отдавать лучшие силы на организацию хозяйства. В этом смысле происходит перестройка фронта.

IV.

Новая страница.

Мы переворачиваем, можно сказать, новую страницу нашей истории. И тут партия должна ясно сознать новую задачу, новую обстановку для того, чтобы мы делали это не ощупью, не бродили бы, как слепые, а шли бы твердо, как подобает сознательным организованным рабочим.

Военная обстановка изменилась в корне. Достаточно беглого обзора положения на фронтах, чтобы прийти к выводу, что, действительно, война кончается. Но, говоря, что война кончается, мы не хотим сказать, что не останется ни одного фронта. Этого, вероятно, не будет. У нас столько враговь со всех сторон, что один-другой фронт еще будет тревожит нас в течение целаго ряда лет. Но последние два года у нас был не один и не два фронта, а 5 фронтов больших, не считая мелких. Сейчас, можно сказать вчерне, главную работу на главных фронтах мы заканчиваем.

Ни для кого не секрет, что главным врагом нашим был Колчак, который опирался на контр-революцию в Сибири. Колчак был признан буржуазией всего мира. В этом смысле он опирался не только на русскую контр-революцию, но и на контр-революцию международную. Он был опасный враг. Недалеко то время, когда он взял было Пермь и нацеливался на Вятку.

Теперь дни Колчака сочтены в буквальном смысле этого слова, а, может-быть, и часы сочтены. Колчак в Иркутске,

в тюрьме и является нашим пленником. По моему мнению, надо над Колчаком устроить суд крестьян по одному от волости или от уезда, чтобы крестьяне видели живьем того царского генерала, который хотел отнять у них землю. Николая Романова можно было судить без особого парада, он сгнил уже достаточно, его предков знали. Колчак стоит больше Николая Романова. Это что-то новое; он опирался не только на буржуазию, а его поддерживали «социалистические» партии, эсэры и меньшевики, он пытался мазать их по губам демократией, Учредительным Собранием и т. д.

Во всяком случае, желательно, чтобы он прошел перед судом крестьян. Пусть они посмотрят на этого фрукта, увидят в натуре человека, который хотел быть новым царем и хотел заграбить у крестьян землю. Пусть крестьянство всей России узнает, как царские русские генералы, называвшие себя патриотами, продавались то англичанам, то французам, то американцам; ведь на этом процессе развернется весь свиток преступлений Колчака, который собирался короноваться в Москве, а теперь сидит в одиночной камере в Иркутске.

Нам казалось даже после взятия Томска и Красноярска, что пройдет два, три месяца прежде, чем мы сможем окончательно очистить Сибирь, потому что расстояния громадны. Оказалось, нас ждали неожиданные, приятные сюрпризы. В то время, как мы думали о том, как мы будем медленно продвигаться дальше, оказалось, что в Иркутске—уже Советская власть, во Владивостоке, полторы, две тысячи верст от Иркутска, у самого моря — Советская власть! В Сибири существует уже центральный Совет, который направляет отдельные сибирские Советы.

Что же это означает? Да то, что наша война—не обычная война.

В обычной войне люди сидят друг против друга в окопах, отбирают версту за верстой и еле продвигаются вперед.

В нашей гражданской войне, оказалось, можно сразу сделать прыжок в две тысячи верст. Есть искра у нас, которая может перелететь сразу за две тысячи верст и зажечь пожар.

В этой искре—сила нашей революции.

V.

Что переживает Сибирь?

Сибирь переживает свою настоящую Октябрьскую революцию; она не успела как следует проделать ее ранее, потому что налетели черные вороны реакции.

Случилось так, что война в Сибири была закончена в несколько раз быстрее, чем можно было на это надеяться. И сдается, что и на других фронтах положение будет, примерно, такое же. Мы привыкли рассуждать несколько по-старому, что будем брать город за городом, а наша победа гораздо решительнее. Мы делаем гигантские прыжки.

Что было на юге России? Это было просто кинематограф, что-то сказочное, так быстро продвинулась наша армия. Белая гвардия сгнила на корню, наше правое дело зажгло пожар в миллионах сердец. Оттого так быстро добиваем мы врага.

VI.

Все-таки с оружием в руках.

И вот, говоря о том, что война кончается, члены партии должны во всем отдавать себе ясный отчет. Это не значит, что мы можем полностью распустить армию, бросить винтовку и целиком отдать свои силы хозяйственному строительству. Это значит: как раньше мы ставили ударение на войне, так теперь мы можем поставить ударение на хозяйственной работе. Но целиком и полностью прекратить военные действия нельзя. Наступает такой момент в жизни человечества, и он продлится не один год, когда все вопросы будут решаться с оружием в руках; иначе быть не может. Посмотрите на Германию, где на каждую неделю приходится сто человек жертв рабочих, восставших против буржуазии и германских меньшевиков. И когда к нам примкнет 300 миллионов человек на востоке, тогда мы увидим, что все, бывшее до сих пор, было только детской игрушкой, приготовительным классом мировой революции, маленьким началом, а настоящая революция еще впереди. К нам примкнет целый ряд новых

стран, и, товарищи, мы услышим треск всей буржуазной постройки, и не только в России, а во всем мире.

В Петрограде гостит один американский коммунист. Он говорит, и он совершенно прав, что когда в Америке дойдет дело до борьбы рабочих с буржуазией, грудь против груди, а этого не долго ждать, то мы увидим борьбу почище, чем у нас. Американская буржуазия—широкого размаха, она будет целые города взрывать динамитом, она целые рабочие кварталы будет взрывать в своей гражданской войне против пролетариата. Мы видим и в Германии совершенно ясно: чем буржуазия сильнее, тем острее борьба.

VII.

О трудовой армии.

На мирные перспективы особенных надежд не может быть в мировом масштабе; не год и не два рабочий класс всего мира должен будет бороться с оружием в руках.

Отсюда для нас вытекают определенные практические задачи. Как мы поступим с нашей армией... Конечно, если война кончена, чего проще: взять и распустить армию. Но можем ли мы это сделать? Нет. Мы не можем просто распустить армию по той причине, что не знаем, что ждет нас завтра.

Буржуазия побеждена, это правильно, но она до последней степени живуча. Живуча, как кошка, которую сбросишь с пятого этажа, а она опять стала на ноги. Мы буржуазию сбросили с пятого этажа у нас в России, но в целом ряде других стран дело обстоить иначе, и мы не знаем, что ждет нас завтра.

Значит ли это, что всю армию нам должно оставить под ружьем?

Тоже — нет.

Есть другой выход, другой путь. Его наметила жизнь. И он вам, вероятно, известен. Надо создать трудовую армию.

Еще два месяца тому назад никому и в голову это не могло прийти, никому и не снились эти армии. Теперь колесо повернулось так быстро, что вопрос о создании трудовых армий стал вплотную. Трудовые армии никем не выдуманы, их никто не высосал из пальца. Эту мысль родила рабоче-

крестьянская масса в союзе со всем ходом революции. Нельзя, с одной стороны, выпускать винтовку из рук и нельзя, с другой стороны, держать миллионы людей без дела под ружьем, когда хозяйство трещит по всем швам.

Надо было найти новую форму. И вот она. Армии сохраняют военный аппарат и на ходу разрешают хозяйственные задачи.

Как сложилась первая армия труда? Следующим образом: на Урале у нас была третья армия, одна из самых славных, боевых, заслуженных; в ней были сотни питерских рабочих коммунистов, отправившихся на Урал в 18 году. Армия с громадными боевыми заслугами. Но теперь победы так велики, что она осталась в тылу за две тысячи верст и стала безработной; ей нечего было делать. В лице своих полков третья армия обратилась тогда к Совету Народных Коммиссаров с таким предложением: «Мы понимаем, что нельзя распустить армию, нельзя ручаться, что завтра не полезут на нас англичане или кто другой; армию надо полгода, год, может-быть два, держать наготове; вместе с тем мы не хотим даром есть хлеб, не хотим бездельничать. Мы видим, что на Урале нуждаются в рабочих руках, и мы просим Совет Народных Комиссаров не распускать военного аппарата, двинуть нас на рабочий труд».

Эта идея показалась вначале неожиданной, странной; многие работники профессиональных союзов возражали, говорили, что нельзя армию переводить на мирный труд и в области труда применять военную дисциплину. Были и другие возражения.

Но не прошло и нескольких дней, как всем стало ясно, что это—великая мысль, это—здоровая идея, что действительно при том положении, которое переживает наша республика, нам надо именно пойти по пути, предложенному третьей армией, т.-е., не распуская ее; сохраняя весь военный аппарат, дать ей определенные трудовые задания.

VIII.

Задачи трудовых армий.

И задачи были даны: во-первых, подвезти хлеб к ссыпным пунктам. Хлеба на Урале достаточно. Затем починить

250 мостов, которые взорвал Колчак, отступая. Затем надо будет подвозить уголь, который есть в уральских копях, и пустить замороженные фабрики и заводы на Урале в ход. Ведь десятки тысяч рабочих рук, десятки тысяч лошадей, громадное количество, квалифицированных рабочих, это—не шутка. Когда весь такой аппарат заработает, он принесет неоценимую пользу в деле восстановления нашего хозяйства на Урале.

То же самое придется сделать относительно одной из армий на Украйне. И то же будет сделано у нас, когда подписав мир с Эстляндией, мы получим серьезную гарантию, что в ближайшее время нас не вынудят воевать [1]).

Одним словом, за последний месяц создалась совершенно новая форма организации, о которой никто из нас не думал. Она родилась в головах десятков тысяч человек. Это не искусственный план, выдуманный, вымученный, высиженный в кабинетах, а план, возникший в массах рабочих и красноармейцев, которые почувствовали, что другого выбора нет.

Красным армиям труда, таким образом, должны будут даваться определенные задачи.

IX.

Поднятие сельского хозяйства.

Мы должны добиться теперь во что бы то ни стало, чтобы хозяйство наше начало подниматься на новую высоту не только в городе, но и в деревне; мы должны во что бы то ни стало показать крестьянину, что мы приходим к нему на помощь.

Крестьянин получил от революции много: землю помещика, инвентарь. Это — много. Но, однако, землю грызть зубами нельзя. Крестьянин не мог обработать ее, потому что у него не было лошади. Мы объявляли мобилизацию за мобилизацией. Деревня нуждается во всем.

Прийти на помощь сельским хозяевам значит поднять культуру в их хозяйстве, ввести электрические лампочки в деревне, построить новые школы, дать крестьянину паровой плуг, трактор, усовершенствованные земледельческие орудия,

---

[1]) Теперь 7-я армия уж стала Трудовой Петроградской армией.

химическое удобрение, улучшенную породу скота. Мы должны действительно поднять наше земледелие, наше сельское хозяйство на большую высоту.

X.

Работа в городах.

И еще нам необходимо поработать в городах. Питер обнищал, но все-таки целый ряд городов, довольно богатых, как Нижний, Самара, Саратов, обеднели в десять раз больше, чем Питер. У нас темно, холодно и бедно, а там, если насчет хлеба лучше, за то на счет другого вдесятеро хуже: нет света, нет стекол, дома разрушены отчаянно, положение ужасное. Откуда взялось это? Но разве страна не воевала шесть лет, разве не все страны разорены? Городам нужен свежий приток сил, чтобы дело двинуть.

В том же Питере мы должны обезопасить город от эпидемий, отремонтировать хоть некоторое количество домов, обеспечить себя топливом на будущий год, чтобы не приходилось опять щелкать зубами. Надо пустить в ход хотя бы часть наших золотых фабрик и заводов, равных которым в России нет. Необходимы рабочие руки и определенный аппарат. Как на войне нужны были сильные ударные боевые кулаки, так и теперь нам, для спасения хозяйства, нужны сильные ударные хозяйственные кулаки.

XI.

Наш транспорт и топливо.

Наш транспорт весь трещит по швам. У нас целые кладбища вагонов не починенных, локомотивов, не двигающихся с места. Но, чтобы поправить транспорт (а от него зависит все), нельзя чайными ложечками лечить его, а надо двинуть на него целую рабочую рать,—несколько сот тысяч рабочих рук.

То же самое с топливом. Нам принадлежит Донецкий бассейн, но шахты там затоплены, и шахтеры Деникиным наполовину перебиты. Надо прибавить сил шахтерам, чтобы можно

было снова поставить производство. С нефтью не лучше обстоит дело.

Только организованными силами можно поднять все эти стороны жизни. Где же найти эти силы, как не в нашей Красной армии? Не туда ли ушли они? Ведь эти силы—наиболее молодая часть населения, наиболее дисциплированная.

И вот почему прежде всего наши взоры обратились к красной армии. И вот что заставит перестроить в ближайшее время ряды нашей организации.

XII.

Смело навстречу новым задачам!

Мы входим в новую область.

Должна ли партия бояться этих новых задач? Я думаю, что нет. Она может итти смело им навстречу.

Почему? Потому что задачи хозяйственные больше по душе нашей партии, больше по характеру, по способностям, чем задачи последнего периода времени.

То были задачи чисто военные. Два года назад, когда надо было создавать армию, мы были в трудном положении. Не было военных специалистов, пришлось обратиться к старым специалистам; часть из них изменяла нам, и мы должны были с ними расправляться, другая часть, правда, помогала. Во всяком случае, мы сильно зависели от старых военных специалистов.

Теперь, когда мы переходим к хозяйственному строительству, специалисты вообще нам тоже нужны; нам нужны будут инженеры, техники, врачи, агрономы, химики и пр. Да, мы этих людей должны пригласить на удовлетворительных условиях работы, чтобы можно было рассчитывать на их помощь. Но, во всяком случае, мы будем меньше от них зависеть, чем мы зависели в области военной от военных специалистов, потому что, когда идет дело о том, чтобы рубить дрова, возить уголь, чинить паровозы, ремонтировать дома, то тут найдутся в нашей партии десятки и сотни рабочих, которым это дело привычно: это ведь не то, что создавать армию, да еще какую—создавать кавалерию! Помните приказ: «Пролетарий, на коня». Дело не легкое, и все-таки в целом

мы с ним справились. Рабочие петроградские и московские покряхтели и все же взлезли на коня и стали не плохими кавалеристами. А кто сомневается, пусть спросит у Деникина, они показали ему, как воюют рабочие.

Таков же опыт с красными курсантами. Старые офицеры учились по десяти лет в гимназии, да еще в офицерской школе и т. д.; наши же курсанты учились несколько месяцев и отправились на фронт. Прошел небольшой промежуток времени, и все уже видят, что нам нечего краснеть перед старыми офицерами: наши красные курсанты могут конкурировать с этими господами, они не хуже маменькиных сынков умеют руководить армией. Если же мы справились с такими непривычными задачами, то с теми задачами, которые надвигаются на нас теперь, мы справимся гораздо свободнее и легче, потому что партия наша рабочая, весь цвет рабочего класса организован в наших рядах.

XIII.

Прежде и теперь.

Партия в течение 30 лет впитывала в себя все, что есть лучшего и сознательного мужественного и здорового в рабочем классе. Самые способные, развитые, самые стойкие рабочие—в наших рядах.

И вот теперь, когда надо начать пускать фабрики и заводы, лечить транспорт, шахты и пр., наша партия выделит из своей среды новых строителей.

Мы знаем, что среди рабочих и крестьян было много талантливых людей. Народ наш талантлив. Но до тех пор, пока власть не перешла в руки рабочих и крестьян, всякая искра таланта, которая тлела в народе, душилась. Не то будет теперь.

Теперь каждую искру дарования, напротив, будут беречь и холить. Каждый рабочий, который обнаружит технические знания, и каждая работница, которая обнаружит хозяйственные знания,—выйдет на широкую дорогу. Каждый крестьянин, который способен руководить не только своим хозяйством, а хозяйством целого села и волости, будет иметь возможность руководить всем хозяйственным аппаратом целой

волости. Наша партия будет приходить на помощь всем организаторам, талантам из народа, которые будут выдвигаться.

Мы придем к ним на помощь знаниями. В Питере решено пустить в ход политехникум, и там рабочим будут преподавать технические знания. Политехникум для рабочих должен стать тем, чем были курсы для красных курсантов. В политехникуме мы будем создавать наскоро обученных молодых рабочих инженеров, так сказать, красных курсантов фабрик и заводов, красных директоров, если можно употребить это захватанное слово. Мы создадим руководителей заводов. Не в день, не в месяц, может-быть, и не в год. Но если мы это будем делать в каждом городе, в каждом районе, то действительно создадим кадр рабочих директоров.

XIV.

Не боги горшки обжигают.

Так вот, когда выдвинулась эта задача, мы—повторяю—смело можем итти ей навстречу. Она нам по нутру, по характеру, мы здесь являемся не робкими учениками, а мастерами дела. Все, что у нас есть — здания, фабрики, заводы, элеваторы, локомотивы — создано рабочей рукой. Не боги горшки обжигают, все это создал рабочий. И когда вся власть в руках рабочих, им ли не оживить всего? Раз, в основном, война кончается, раз весь аппарат и рычаги у рабочих, партия может спокойно входить в эту полосу, партия будет расти более, чем когда бы то ни было. Будем откровенны: когда надо было воевать и когда было под большим вопросительным знаком, не придут ли белые в Петроград или в Москву, многие чурались партии и выжидали. А теперь, когда уже ясно, что лишь от времени зависит поставить наше хозяйство на ноги, чтобы лучше жить, партия объединит беспрепятственно широчайшие народные массы, станет дышать одною грудью с ними, и рабочие массы повалят к нам гуще, чем было в последние месяцы.

Партия может итти безбоязненно навстречу новой полосе! Мы мечтали об этом, как о счастливой минуте; наконец то, мы сможем приняться за главную задачу партии.

Наша главная задача, это — создать новое коммунистическое хозяйство, создать обстановку такую, при которой крестьянин почувствовал бы, что с каждым днем для него становится легче жить. И теперь мы близки к моменту, когда с каждым месяцем петля будет ослабевать, питание делаться лучше, одежда лучше, школа лучше, хозяйство станет подниматься, наступит действительное облегчение жизни, т.-е. то, для чего и совершалась великая октябрьская революция.

Таков основной фон, на котором приходится выводить организационные узоры. Полгода назад были одни песни, теперь—другие. Новые времена, новые песни. Задачи новые, и поэтому по-новому надо построить нашу организацию. Спрашивается теперь, как же перестроить эту организацию по-новому?

XV.

Новые члены партии.

Кроме общих изменений, на которые я указал, в нашей партии произошла еще одна очень важная перемена, и этого не надо забывать. В партию за последнее время, начиная с партийных недель, влилось новых 400 тысяч членов, а, может-быть, 500 тысяч. В одном Питере новых 20 тысяч. Организация наша утроилась, даже больше. Мы получили новую армию. Прикиньте что это значит, эти 400 тысяч новых членов. Колоссальное число. И понятно, что в силу этого лег особый отпечаток на все наши организации.

От такого притока свежих сил партия окрепнет. Но вместе с тем создались и новые трудности. Когда в партию нахлынули новые люди, друг друга мало знающие, не знающие истории партии, не имеющие опыта, то пока они разместятся, пока все войдет в колею, пока каждый получит определенную работу, неизбежны будут трения, брожения, протесты, иногда конфликты. Это заметно уже в некоторых районах в Петрограде: все эти мелкие неприятности, мало привлекательные трения организационного и личного характера. Люди суть люди, им свойственно увлекаться, заниматься мелочами, копаться в них, отвлекаться от главного. И если взглянуть глубже, с большей высоты, легко понять, откуда эти неурядицы. Это просто—болезнь роста, она не страшна нам. После

этой ветренной оспы мы еще более окрепнем: ведь из 400 тысяч лишь известный процент, может быть процентов десять, окажутся негодными; но 90 процентов наверняка пригодятся, так как это—лучшие рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, пришедшие в нашу партию в наиболее трудный для нас момент.

Следует помнить, что, когда мы проводили партийную неделю, белые были недалеко от Петрограда. Когда белые были под Лиговом, в нашу партию записалось три с половиной тысячи. Конечно, это—лучшие люди. Если у них мало опыта, это—их беда, а не вина, они научатся и будут прекрасными работниками. И если приспело время хозяйственной работе, то, имея 300, 400 тысяч новых членов в партии, мы должны и наши организации применить к новому масштабу.

XVI.

Под новым углом зрения.

У нас до сих пор на партийную работу смотрели узко. Под партийной работой понимали — что? Понимали митинги, лекции, собрания, распространение газет, листовок, клубы, собрания членов порайонно, членские взносы, одним словом пропаганду и агитацию. К этому сводилась и должна была до поры до времени сводиться наша партийная работа. Конечно, агитация и пропаганда занимают важное место и сейчас в нашей работе. Без этого рабочий класс, как без глаз, без этого нет партии. А нет партии, рабочий—как без головы, без руля и без ветрил, партия это—мозг, это—мыслительный аппарат рабочего класса. Агитация и пропаганда остаются, но наши задачи расширяются в несколько раз.

Настала пора взглянуть на партийную работу другими глазами.

XVII.

Как перестать быть человеческой пылью.

Пять лет тому назад или даже два с половиной года назад, когда власть была у Керенского и у буржуазии, мы не отвечали за состояние нашего хозяйства. Если рабочий ра-

ботал на мельнице, на фабрике, в бане ли, он шел туда, чтобы заработать хлеб насущный и только. Теперь—другое. Я беру намеренно угловатый грубый пример — ту же баню. Прежде, если кто-либо из нас служил в бане поденщиком, банщиком, то ни о какой партийной работе в бане не могло быть и речи. А теперь работа в бане должна стать партийной работой и становится ею. Если у нас в бане есть хоть одна банщица - коммунистка или чернорабочий - коммунист, истопник - коммунист и т. п., они должны сорганизовать ячейку, как это ни смешно на первый взгляд, банную ячейку. Наша последняя партийная конференция вынесла специальное решение, что уже три коммуниста или сочувствующих должны организовать ячейку. И все ячейки должны быть объединены в общегородском масштабе. Тогда мы сразу перестанем быть человеческой пылью.

XVIII

Партийная работа в бане.

Почему же работа в бане есть партийная работа? А вот почему. Кроме коммунистов, которые, конечно, самые лучшие ребята на всем свете,—в этом никто не сомневается—есть еще сотни тысяч людей не коммунистов. Существует множество трудящихся людей, которые еще с недоверием смотрят на нашу партию. В славном Петрограде найдутся десятки и сотни тысяч, близких к трудящимся, но не принадлежащих к нашей партии. У нас до 30 тысяч членов партии, а население в Петрограде около миллиона. И как население судит? По нашей пропаганде и агитации? Не только по ним, а и по нашей работе.

Возьмите рабочих и работниц, женщин рабочего класса, матерей; на лекцию она иногда не придет, программу нашу не прочтет. И не обязана читать, потому что она безграмотная, она не может читать. Газет наших она не знает. Но если мы бани развалим, это она узнает. Если ей негде будет помыться хоть раз в месяц, она узнает, и по одному этому факту будет о нашей коммунистической партии судить больше, чем если прослушает целую лекцию. У нас будет превосходная программа и чудесные лекторы, но не сумей мы спра-

виться с простейшими задачами хозяйственного строительства, и мать рабочего семейства будет проклинать нас и скажет: великая революция, много шуму, коммунисты пыль в глаза пускают, а помыться все-таки негде; при «проклятых коммунистах» и бани нет, где бы грешное тело можно было помыть...

Вот почему мы считаем, что работа в банях есть теперь партийная работа. Когда мы нескольким партийным работникам, активным работникам одного района предложили работу в банях, нам возразили: что же, вы хотите лучших работников в банщиков превратить?

Но, по зрелом размышлении, люди пришли к тому выводу, что ничего смешного тут нет. Московский район, поставив четыре больших бани с пропускной способностью в 65.000 человек, сделал громадную партийную работу, значащую столько же, сколько десять превосходных лекций.

XIX.

От нас многое не зависит, но и многое зависит.

Народ о нас судит по всему тому, что он переживает. Конечно, есть много такого, что от нас не зависит. Мы не могли год тому назад привести хлеба, когда весь хлеб был захвачен белыми; мы и сейчас не можем еще его подвести, потому что дороги не починены. Но многое зависит и от нас. И вот почему не только работа в банях есть партийная работа, но и работа в домовом комитете бедноты есть тоже партийная работа. Мы должны заботиться о том, чтобы не развалились наши дома, чтобы не лопались трубы, надо сохранять богатства, которые нам достались, потому что построить новые дома мы не в состоянии будем еще в течении десяти лет.

Вот почему и работа в народном суде, в отделе продовольствия, в любом учреждении—в социальном обеспечении, в любой богадельне, в казарме, в лазарете — является партийной работой в подлинном, строгом и высоком смысле этого слова.

И в лазаретах было ужасное положение, отчасти еще и сейчас есть. За это должна отвечать наша партия. Комму-

нисты, работающие там, выполняют поэтому определенную партийную работу и не имеют права смотреть на это только, как на заработок. Точно так же и работа фабрично-заводских комитетов есть советская и вместе с тем партийная работа. Вот, товарищи, как надо взглянуть на партийную работу в наши дни.

XX.

„Козья“ ячейка.

Мне сообщил на-днях товарищ Бадаев, что нам привезут из Уфы (уже погружают) тысячу коз. По нынешним временам, это—целое событие для Петрограда, потому, что все только вывозили отсюда — и лошадей и коров, и пр. Повторяю, событие! Можно было бы встретить колокольным звоном эту процессию коз. И вот надо на козьей ферме, которая будет создаваться для обслуживания детей рабочих, чтобы дать им хоть каплю молока, надо непременно образовать коммунистическую «козью» ячейку и притом немедленно, потому что это важное партийное дело...

Мы в такой полосе, когда от подобных маленьких, но вместе с тем великих начинаний зависит судьба рабочего класса, и судьба партии. Козья ферма, домкомбед, продовольственный отдел, народный суд, бани, больницы, лазареты, должны обратить на себя особое партийное внимание наших работников.

XXI.

Задачи организатора.

Надо коренным образом пересмотреть и наши взгляды на задачи организаторов. У нас до сих пор велось так. На партийных организаторов,—их полагается три па район (организатор и два помощника),—валится все: они отвечают за все, разрываются на части и не поспевают. Мы смотрели черезчур узко на задачи организаторов. Конечно, если речь идет о том, чтобы устроить лекцию, созвать собрание, организовать клуб и пр., тут трое еще с грехом пополам справятся. Но когда надо обслуживать больницы, бани, домовые комитеты, народный суд и пр., раз мы это признаем партийной

работой, три человека организаторов не в силах даже приступить к делу. Тот не организатор в нынешнее время, кто занимается узкой и «чисто» партийной работой, только агитацией и пропагандой. Настоящий организатор теперь — в своем районе должен знать все.

XXII.

О столовых.

Я еще не сказал о столовых, — слона-то и не приметил. Это—самый важный больной вопрос.

У нас в Питере 300 общественных крупных столовых, от которых зависит судьба рабочих Петрограда, и в них еще местами воруют беспощадно, в них часто грязь беспардонная, халатность и кумовство.

Мы до сих пор не могли справиться с этим злом. Надо было 300 человек настоящих руководителей и не находилось. Практически мы этой задачи не ставили. А между тем работа в столовых—важная, партийная работа, такая же ответственная, как и любая агитация и пропаганда.

Но, чтобы обслуживать ее, надо быть организатором нового покроя. Нынешний организатор должен знать положение в столовых, должен успеть побывать везде, должен быть любимым популярным человеком не только среди своих членов партии, но и среди всего трудящегося населения своего района, чтобы его все знали, чтобы каждая беспартийная труженица не стеснялась рассказать такому организатору-коммунисту, что там-то воруют, чтобы она знала, что он-то вмешается, примет меры, кого надо сменит, где надо подчичистит, поставит все вверх дном, а добьется своего... Нам надо таких организаторов, которые умеют ставить народное хозяйство, а не сидеть в своем партийном муравейнике.

Мне довелось писать, и я теперь стану твердить и твердить, что мы признаем серьезным только тот районный совет, тот комитет, ту рабочую организацию, которая сможет показать, что она поставила две или три образцовых столовых. Не по числу митингов или членов партии,—это важный признак, но не решающий,—будем мы судить о степени серь-

езности организации, а потому, сколько она организовала образцовых столовых, где не воруют, где чистота и где хорошо готовят.

XXIII.

Тип нового организатора.

Сколько ты наладил настоящих домкомбедов, сколько организовал бань в твоем районе и можно ли в них мыться? Покажешь с цифрами в руках, что ты две бани поставил хорошо и две столовых поставил так, что там не воруют и в них чисто, что починил три дома, тогда ты—серьезная рабочая организация. А если ты только устраивал митинги, ты не серьезная рабочая организация! Митинги—величайшая вещь, будучи использованы в нужный момент. Ура таким митингам. Но если митинги приводят к тому, что мы только говорим и варимся в собственном соку, тогда они вредны!

Надо пересмотреть и самое отношение к организатору. Должен наметиться другой тип организатора.

Мне случалось слышать возражения от товарищей организаторов старого типа: помилуй Бог, как вы требуете, чтобы мы два раза в день побывали во всех крупных столовых, были в лазаретах, в прачечных, на козьей ферме и т. д.; я не вездесущий, как я поспею. Но я и не предлагаю, чтобы, по-старому у нас только два, три человека поспевали повсюду. Нам надо не три организатора, а триста организаторов. И мы их можем иметь. В силу того, что победу на фронте мы одержали, что мы входим в хозяйственное строительство, что это привлекает к нам сердца рабочего класса, в силу того, что в нашу партию вошло новых 400.000 членов, из этой среды мы получим сколько угодно организаторов. Два года тому назад наши слова были бы пустой болтовней, а теперь на переломе от войны к хозяйственному строительству, при 400.000 новых членов и слишком 20.000 в Петрограде, это уже не фразы! Говорить, что людей нет, а центр не присылает и Петроградский Комитет не дает, значит не понимать того, что происходит. Никакой центр людей не даст. Такие центры еще не родились, чтобы из рукава вытряхивали новых людей. Но нельзя жаловаться, что нет людей. Эти люди

есть. Они в этом зале, в этом районе. Никаких других людей нам не надо.

И эти люди превосходно справятся с задачей, которая на нас надвинулась. А наша партия, наша партийная гвардия сумеет каждому дать работу по способностям и каждого поставить на место. Если бы мы понимали под партийной работой, так как в старину, только лекции, чтение газет, пропаганду, агитацию, тут не каждый справится. Но если под партийной работой понимать (и должно понимать) ячейки в банях, ячейки в народном суде, в лазарете, в столовой, тут каждый рядовой член партии, хотя бы он находился в партии только две недели, может взять определенную работу.

XXIV.

Все активны!

Я кстати предлагаю уничтожить деление на активных и неактивных работников. Собрание активных работников приносит большую пользу, но мы должны сказать, что вы все должны быть активными. Каждый может получить, при нынешней обстановке, определенную работу в таких местах, как коллектив, в лазаретах, в казарме, в столовой. В этих вопросах каждый рабочий может исполнять работу по своим способностям, а затем подвигаться все выше. Если теперь он руководит одной столовой, через полгода будет руководить двумя, тремя столовыми, а затем столовыми всего района, а потом пойдет и дальше.

XXV.

Основная задача.

Основная задача наших дней — сейчас в каждом районе почерпнуть не трех организаторов, а триста; и не только так, чтобы имелись организаторы в коллективе только на заводе, а чтобы не было такого места, где бы не было своего коллектива. Чтобы они были в каждом доме, в столовой, в бане. Надо, чтобы в каждом районе была своя определенная книга, где бы записан был каждый член партии. Дело же

влиятельных старых организаторов должно заключаться в том, чтобы следить, как тот или другой товарищ ведет партийную работу.

Положим, он вступил в партию в августе 19 года, а в январе 20 года стал членом коллектива такой-то столовой; пробыв три месяца, стал членом коллектива объединенного, десяти, скажем, столовых; через полгода еще был продвинут на такую-то работу. За всем этим следит партийный комитет, бережно присматриваясь к человеку и его способностям. Такая статистика, такой учет необходим во всех районах.

У нас распространено между прочим глупое мнение, что надо «проветривать» работников чуть ли не каждые полгода или три месяца. Это я считаю глупостью, потому что человек не шуба, проветриваемая от моли. Мы берем людей на важное дело государственного строительства, где надо специализироваться, учиться. Если бы мы стали руководителя продовольствием тов. Бадаева менять каждые полгода, что бы получилось? Ничего, кроме вздора! Надо несколько лет учиться раньше, чем научиться кормить миллионный город. Это не шутка, это требует знаний.

Конечно, если человек зазнается, начинает нахальничать, надо его прогнать; постоянный контроль рабочего класса необходим; если товарищ, как теперь принято говорить, «закомиссарился», ему надо указать на дверь. Вместе с тем, надо помнить, что мы взяли в руки гиганскую машину и должны учить управлять ею. Следует дать людям время и возможность научиться, приноровиться к тому, куда их душа лежит, к чему больше у них способностей, и дать им возможность развиться на этом поприще.

Основную же задачу во всех районах надо поставить так: пусть районный комитет созовет собрание с крупными коллективами, чтобы привлечь 300 организаторов и распределить их на важную работу; надо, чтобы не осталось ни одного не активного работника; надо дать каждому работу, в таком духе, как я развивал, чтобы она была по силам рядовому члену.

Старых членов осталось мало, много их перебито, многие не выдержали волнений времени; есть больные работники, изнервничавшиеся, которые не могут как следует работать;

других отправили на целый ряд фронтов, в общем старые работники—на вес золота.

Понятно, рабочие и работницы должны их ценить. Но старые работники, однако, должны помнить, что их задача заключается не в том, чтобы подчеркивать, что «я старый член, а ты молодой» (громадное большинство этого и не делает, у них для этого достаточно ума и такта, но есть исключения, иные кичатся, что у меня большая партийная борода, а ты— безусый мальчишка). Ничего не может быть неразумнее этого. Рабочий пришел позже не по своей вине, а в силу целого ряда сложившихся обстоятельств.

Число старых партийных работников надо помножить на сто: каждому старому дать возможность сто новых распределить, помогать им советом и дружеской рукой. Тогда только дело двинется. Надо скорее приступить в Петрограде к этой работе. В каждом районе работы непочатый край. Грех тратить драгоценное время на обсуждение мелких конфликтов или на модный вопрос, не оторвались ли «верхи» от «низов»; конечно, если оторвутся, тогда работа не будет перестроена так, как я только что излагал. Если же работа будет построена, как я говорил, тогда не будет ни верхов, ни низов, и будет пустой потерей времени об этом говорить. Надо только улучшать прежний аппарат, когда несколько человек должны отвечать за все.

XXVI.

Одна семья.

Раз мы выдвинем, вместо трех организаторов, триста, а на собраниях обсудим хорошенько вопросы о столовых, банях, прачечных и т. д. и людей продвинем на активную работу, расширив ее территорию, тогда отпадут разговоры, что у нас существует пропасть между верхами и низами. Наша питерская организация вполне здоровая организация, превосходная организация. Мы влили в нее 20.000 рабочих и работниц—пролетариев. А перед партийной неделей провели перегистрацию и все сомнительные элементы выкинули. Организация, по своему составу, превосходная, чисто пролетарская, насквозь пролетарская. Я вспоминаю, как недавно в первом городском

районе, где я должен был читать доклад, пожилая работница пыталась пробраться, а ее не пускали: у нее не было партийной книжки. Она просила: «Пустите, пожалуйста, я беспартийная, но мой муж член партии, он сегодня занят, и я пришла за него и желаю послушать». Конечно, ее потом пустили. Но этот пример показывает, что в рабочей среде, среди рядовых рабочих, стали на дело партии смотреть, как на свое дело, где жена может заменить мужа. Это превосходно, что так стали смотреть. Пусть будет не соблюдена формальность, но пусть партия будет окружена любовью рабочего класса, пусть рабочий и работница смотрят на партию, как на свой родной дом. Год тому назад этого не было, полгода тому назад настроение было другое, а теперь это есть. Лучшая часть рабочих и работниц Питера смотрит на партию, как на свою семью. А в семье люди не должны сидеть сложа руки. Если в семье одни будут сидеть, а другие работать, начнется свара, склока и т. п. Если в семье работа будет кипеть, разделение труда будет хорошее, особенно если каждому члену труда будет работа даваться по его способностям, если не будет зависти, карьеризма, а будет настоящий дух пролетарской семьи, работа тогда закипит.

XXVII.

Нечего нам унывать.

Питер больше всех обеднел и захирел. Но он первый может ожить. Он расположен на перекрестке дорог, он приморский город, портовый город. Питер первый начнет отапливать превосходные фабрики и заводы, он первый пустит их в ход. У нас в Питере золотые фабрики, их не построишь и за десять лет. Рабочие, которые разбрелись по всей России, начнут собираться, как только услышат, что пущен их «Айваз», или какой-нибудь другой завод; как бабочки на огонь, слетятся. Надо готовиться к тому, что Питер оживет, как пролетарский центр, а не как буржуазная столица. Для этого и надо по-новому поставить работу. Вся сила наша заключалась в том, что, когда менялась обстановка, коммунистическая партия усваивала ее и быстро перестраивала ряды. Если бы мы чесали за ухом, раздумывали каждый раз слишком долго,

мы бы многое прозевали и были бы разбиты. Наша партия отличалась чуткостью, она быстро перестраивала ряды. И надо теперь опять быстро перестроить ряды для новых задач, главным образом, хозяйственных, для колоссальной новой организационной работы, требующей, чтобы вместо трех организаторов стало триста.

С этой целью мы и предприняли доклады по районам, чтобы осветить наши задачи. Надо, чтобы сегодняшняя беседа наша не пропала даром. Нужно сделать из нее практические выводы. Нам необходимо поставить организацию на новые рельсы, и нет никаких оснований впадать в уныние. В нашем доме мы застаем еще большое разорение, и должны засучить рукава и приняться за чистку и ремонт. И примемся мы не в десять, не в сто, а в десять миллионов рук, и работа закипит, и дело пойдет. Нечего унывать, нечего перед новыми членами партии расписывать, что плохо одно, пятое, десятое, что то не годится, другое не годится, что хоть ложись да умирай. Ничего подобного нет.

XXVIII.

Пусть унывает буржуазия, а не мы.

Никаких причин к унынию нет ни у нашего класса, ни у нашей партии. Наоборот, есть все причины для того, чтобы бодро и уверенно итти на встречу новой работе. Буржуазия—вот кто должен плакать на реках Вавилонских. Ей есть основание приходить в уныние, она разбита по всем статьям. Ее собачья старость наступила. Для буржуазии настал последний закат, бабье лето в лучшем случае, даже там, где она стоит у власти; последний луч солнца померкнет—и крышка, и холодная могила. И буржуазия чувствует это.

Почитайте иностранную печать; там сплошь уныние, сплошь скулят, даже там, где победили, как во Франции, в Англии. Там—холод больше нашего. Четыре года воевали, обещали блаженство народу, а теперь собираются в Лондоне учредить «международный комитет по борьбе с холодом». Надо же было четыре года воевать, чтобы теперь осчастливить народ таким комитетом.

У них действительно черная меланхолия.

Посмотрите не только иностранные, а и русские белогвардейские газеты. Мне особенно понравилось одно стихотворение, напечатанное в русской белогвардейской газете... В Гельсингфорсе издается газета «Новая Русская жизнь». В Гельсингфорс переселилось много и петроградской буржуазии. Перевезла она туда свое имущество, своих наложниц, желтых писателей и т. д. Встречали эти господа там новый год, и вот один из лучших ихних поэтов написал стихотворение «На Новый год». В этом стихотворении душа буржуазии отразилась, как солнце в малой капле вод.

Мы перейдем таинственную грань,
На нас самих покинутые Богом;
И не увидим счастья за порогом.

Дальше певец продолжает оплакивать Петроград:

Камин охвачен пламенем утрат;
Витает боль над грудой лет сожженных;
И, в алых ранах, мертвый Петроград—
Глядит из пепла город прокаженных...

Теперь, когда у власти рабочие и крестьяне, это видите ли, «город прокаженных». А когда был и Распутин и Романов, он не был городом прокаженных; тогда был цветущий рай.

Где пир огней на эту ночь из тьмы?
Нам не разжечь их золотом и кровью.

Пир огней!.. Где он? И золота англичане уж не дают, и жизнь стала, можно сказать, аховая. Но все же... авось!..

Только в конце поэт нашел одну нотку надежды. Может-быть, дескать все переменится и на буржуазной улице будет праздник...

А там опять камин затопят новый,
Под шум и ярость новых непогод...

Т.-е. опять дело буржуазии пойдет по старому.

Мы не можем успокоить поэта, что если есть еще пара полен в камине, они догорят, но нового «камина счастья» буржуазии не видать.

Правда, и у нас еще нет уютных каминов. Может-быть, будут еще не скоро. Но во всяком случае, уже самое трудное позади. Мы не можем сказать про себя, как они говорят, что мы «забытые Богом и людьми». Мы людьми не забыты.

Рабочие всего мира присматриваются к нам и ждут момента, когда и они смогут перейти к самому трудному, к великой борьбе, а потом и к великим достижениям. Людьми мы не забыты. Похоже, что и Богом не забыты, потому что, если Бог существует, то, очевидно, он на нашей стороне; иначе, как мы могли бы победить царских генералов. Ведь они, как утверждают, живут в превосходных отношениях с Богом. Между тем генералы и все эти архиреи улепетывают от нашей Красной армии так, что только пятки сверкают. Или, может-быть, и Бог перешел на нашу сторону, и может-быть, в партийную неделю вписался в нашу партию (Аплодисменты); по крайней мере, в ряды сочувствующих. И если искал район, то выбрал ваш район, где был большой приток сочувствующих?..

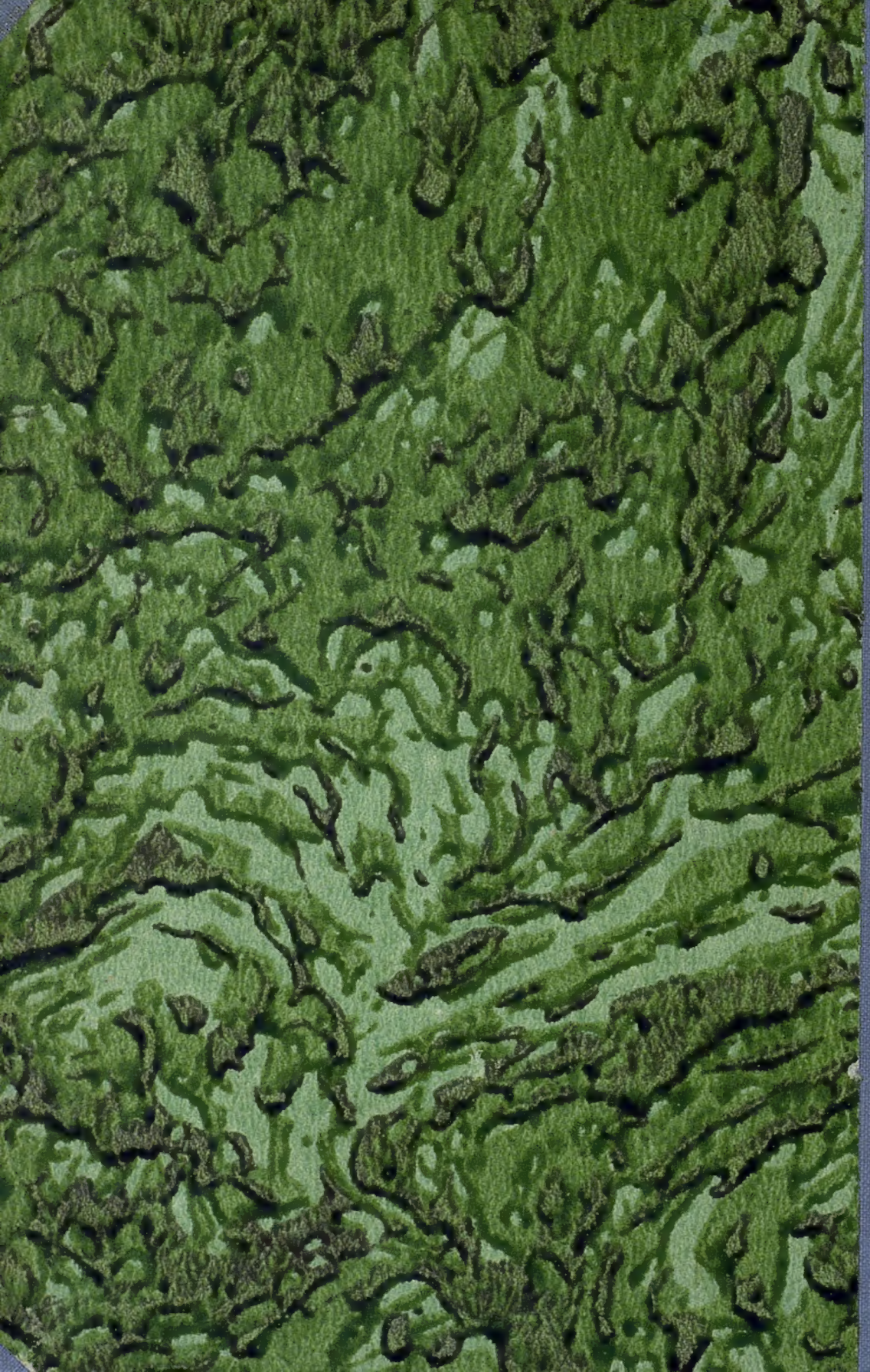
Во всяком случае, я предлагаю смеяться и шутить над теми, которые пытаются нашу организацию отравить ядом недоверия, ядом жалоб и т. п. Еще и еще раз повторяю, нам не жаловаться, не плакать сейчас надо, не хныкать, не скулить, не указывать, что у нас все плохо, а, засучив рукава, приняться за работу. И дать эту работу каждому рядовому члену партии, который вошел в партию, хотя бы даже только вчера. Надо приняться за эту громадную работу, которая надвинулась на нас, и тогда работа закипит, и партия наша будет расти с каждой неделей (Аплодисменты). И ничто не одолеет ее, и никто не дерзнет упрекнуть ее в чем бы то ни было.

Заключительное замечание.

Товарищи, не вытекает ли из только что сказанного мною, что обязанности партии и Советов надо смешать или слить воедино. На этот счет есть совершенно точные ответы партии, которая на последнем съезде в марте прошлого года, точно установила взаимоотношения между партией и Советами.

Советы — государственная организация, которая объединяет всех людей труда. Партия это — организация, которая объединяет тех трудящихся, которые стали коммунистами, т.-е. передовиков рабочего класса.

Взаимоотношения совершенно ясные, где более передовой указывает путь более отсталому.

Взять те же самые бани или другую отрасль: я ведь не предлагаю, чтобы районный комитет отстранил Совет и сам

ОИК-63991